

Тун Хуайцин поднял взгляд к небу, и проливной дождь тут же застелил ему глаза. Всю ночь гремело и сверкало, но ни капли так и не выпало — буря словно копила силы, чтобы теперь обрушиться на землю во всей своей неукротимой, неистовой ярости.

Он промок до нитки. Мокрая рубашка липла к груди, с кончиков пальцев стекали струйки воды. Утерев лицо ладонью, Хуайцин оглушительно чихнул.

Поверхность реки кипела от плотных, крупных пузырей, разбиваемых тяжелыми каплями. Вся округа потонула в сплошном гуле непрекращающегося ливня. Вокруг расстилалась непроглядная серая пелена, сквозь которую едва проглядывали туманные силуэты домов на противоположном берегу.

Сжав зубы, Тун Хуайцин упёрся ладонью в выступающий валун и попытался подняться, но ноги не послушались.

Боль.

Всего час назад он и помыслить не мог, что окажется в столь жалком положении.

Он брёл вдоль реки, ориентируясь на далекие огни жилых кварталов, когда с неба хлынул ливень. На берегу росли лишь плакучие ивы, не защищавшие от воды, и только пышная крона камфорного дерева обещала хоть какое-то укрытие. Хуайцин поспешил сквозь густую траву, продираясь через разросшийся кустарник, как вдруг оступился и ухнул в глубокий овраг.

Содрав локоть, он спас лодыжки, но спину пронзила острая, парализующая вспышка. Из-за многочасовых ежедневных занятий за роялем он и без того страдал хроническим растяжением поясничных мышц, а теперь от боли в голове на мгновение образовалась звенящая пустота. Когда сознание вернулось, он уже лежал на дне промоины, утопая в мокром песке и грязи.

К счастью, за спиной возвышался полутораметровый глинистый откос, защищавший от косых порывов ветра, но вода в реке быстро прибывала. Ливень и не думал утихать, а сырой холод уже пробирал до самых костей.

Боль не утихала. Как бы Хуайцин ни пытался подняться, тело оставалось непослушным. А дождь всё стеной валился с небес.

Запрокинув голову, Тун Хуайцин тяжело и рвано дышал. Лицо его побелело.

Ему вспомнился случай в Европе, где шли точно такие же беспросветные дожди — в той проклятой глуши ясные дни вообще были редкостью. Накануне важного концерта он допил кофе, чувствуя на языке вьедливую горечь, и вдруг заметил, как дрожат пальцы. Без всякой причины.

Тогда он прикрыл глаза и распахнул окно. Порыв ветра ворвался в комнату, разметав нотные листы; стебли роз в вазе согнулись под напором, а грудь Хуайцина обдало брызгами. Холод постепенно гасил лихорадочный пламень внутри. Дрожь в руках унялась.

Он спокойно принял душ, высушил волосы, завернулся в мягкий банный халат и безупречно улыбнулся официанту, принёсшему ужин. Ни единой трещинки на идеальном фарфоре.

И всё же то выступление вышло неидеальным. Последовали критики. На самом деле, оглядываясь назад, он понимал, что рецензии были довольно мягкими: он был слишком юн, его считали восходящей звездой классической музыки, и в конце каждой статьи сквозила надежда на его будущее.

К вечеру над древним европейским городом наконец развиднелось. Они с матерью сидели друг напротив друга за обеденным столом, украшенным свежими цветами, свечами и изысканными закусками. Серебряный ножик надрезал медиум-рар стейк, и на тарелку вытекла узкая розовая струйка.

Мать внезапно подняла на него взгляд:

— Тебе нравится? Может, хочешь китайской кухни? Лапши, например? Ты ведь в детстве больше всего любил мою лапшу с яйцом и томатами. В отеле наверняка есть кухня, я пойду приготовлю.

Она уже отдвинула стул и поднялась. Тун Хуайцин встал вслед за ней:

— Мама, я не хочу лапшу.

— Вот как? — она замерла, на мгновение задумавшись. — Хочешь домашнюю, самодельную?

— У меня сегодня совсем нет аппетита...

Она мягко, кротко улыбнулась:

— Ты просто немного подожди, я быстро сделаю томатную лапшу.

— Я не хочу.

— Но это ведь дело двух минут!

— Я же сказал, я не хочу это есть!

Мать повернулась к нему. На её ухоженном, подтянутом лице отразилось искреннее недоумение:

— Да я правда очень быстро, просто подожди чуть-чуть.

— Мама, — Хуайцин сглотнул, пытаясь сбить с голоса резкость. — Я сказал, что не голоден. Не надо ничего готовить.

Она запнулась, но тут же продолжила:

— Я все-таки сварю. А вдруг тебе потом захочется?

... Капли дождя, попадавшие в рот, отдавали едва различимым сырым металлическим вкусом. Тун Хуайцин сделал глубокий вдох, силясь отгнать удушливые воспоминания.

Что делать? Пошевелиться он не мог, кричать от боли не хватало дыхания. С трудом нащупав под рукой камень, он изо всех сил швырнул его в реку, но тот с тихим всплеском канул в бурлящие потоки, не привлекая ни чьего внимания.

Кому в такую непогоду придет в голову заглянуть в размытый овраг и заметить беспомощного человека?

Поясницу разрывало от боли, нижняя половина тела словно онемела. Почти ничего не евши за весь прошлый день и промучившись без сна ночь, он едва владел затекшими руками. Собрав остатки сил, Хуайцин снова вцепился в камень, пытаясь подтянуться.

Из-за размытой глины валун пополз вниз. Едва приподнявшись, Хуайцин снова рухнул в грязь. Какая жалкая, беспомощная картина! Дождь хлынул с новой силой, слепя и сбивая дыхание; он бессмысленно вытирал лицо тыльной стороной ладони, но смыть воду было невозможно.

Птицы, потерявшие гнезда, жмутся друг к другу, чтобы переждать ненастье. А ему не к кому было прижаться.

Безвольно опустив руку, Хуайцин уставился на свое бледное, тонкое запястье. Несколько месяцев назад он уже заносил над этой целующей вену кожей холодное лезвие. Одно легкое движение — и вся эта боль прекратилась бы навеки. Какая трусость... В последний миг руки дрогнули, и он отступил. А затем с гудящей головой сел в старый пассажирский поезд, отправляясь в добровольное изгнание.

Ливень усиливался, река выходила из берегов. Затопив противоположную сторону, мутный поток подбирался уже к его ногам. Боль притупилась, уступив место цепенящей немоте. Зрение затуманилось, и сквозь плотную стену дождя до него вдруг донесся хриплый, надрывный крик:

— Тунтун!..

Откуда звали, разобрать было невозможно, но сознание на мгновение прояснилось. Он попытался подать знак.

— Где ты?! — снова донеслось из небытия.

Хуайцин заколотил ладонью по глинистому склону, но звук вышел слишком тихим. Сгреб камень, начеканивая им дробь по твердой грязи, отчаянно пытаясь привлечь внимание.

«Я здесь...»

«Спасите...»

Камень выскользнул и укатился в воду.

Тун Хуайцин замер в оцепенении.

Он... просил о помощи. Он изо всех сил цеплялся за жизнь.

— Есть кто?! Слышит кто-нибудь?! — голос, казалось, стал удаляться.

Пальцы, которые он раньше берег пуще глаза, онемели и вымазались в грязи. Перевернувшись на бок, Хуайцин снова стал бить ладонью по покрытой корнями стенке оврага.

«Я здесь!»

Ничего не видно, ничего не слышно. Бурные потоки уже захлестывали его щиколотки. Горло драло, словно по нему провели наждачкой.

— Я... — Он снова ударил по глине окровавленной рукой. — Я... здесь...

Кровь смешалась с дождевой водой, отзываясь знакомой солоноватой ссадиной на губах.

— Чи... Чи Е, я здесь!..

Река взревела, вздымая грязевые валы, сокрушая всё на своем пути. Тун Хуайцин судорожно ловил воздух, сердце сжимала острая боль. Глаза сами собой закрылись.

С оглушительным треском рухнула подмытая ива, подхваченная стремительным течением.

Хуайцин тихо выдохнул.

Сильные руки подхватили его и оторвали от земли.

Двор располагался на возвышенности, поэтому вода здесь не застаивалась. Прихотливые домашние цветы заблаговременно перенесли под навес, а неприхотливые дички оставили снаружи — под проливным дождем они лишь еще буйнее пустились в рост.

Чи Ино сидела на низенькой скамеечке, подперев щеку кулачком, и смотрела на ночное небо. Тучи наконец рассеялись, и сквозь них пролился мягкий, влажный лунный свет. Дождь утих. Завтра утром наружу вылезут дождевые черви и улитки, шустро ползающие по блестящей от капель траве.

Дверь спальни отворилась. Чи Е сдёрнул висевшее на шее полотенце и вытер взмокший лоб.

— Братишка! — подскочила Ино. — Ну как он?

Чи Е ополоснул полотенце в тазике с холодной водой:

— Жар только что спал.

Девочка сначала присела, но тут же снова вскочила:

— А можно мне посмотреть?

Получив от брата кивок, малышка вихрем помчалась в комнату.

Отжав и аккуратно расправив полотенце на бельевой веревке, Чи Е опустился на стул с высокой спинкой. Достав сигарету, он щелкнул зажигалкой; алый огонек ярко вспыхнул, и в воздух потянулись сизые кольца дыма.

Слава богу, нашел.

Хотя, честно говоря, хотелось дать этому недотёпе хорошего пинка. Нашел время гулять у реки! Неужели не знает, что в сезон дождей берега постоянно размывает? Вдобавок еще и покалечился. Когда Чи Е поднял его на руки, тот уже потерял сознание, а дома выяснилось, что его снова бьет лихорадка.

И как только человека может так легко подкашивать болезнь? Ни ветерка на него не пусти, ни капли дождя... Нахмурится от пары слов. Впрочем, чему удивляться? Избалованный барчук, который даже крышку на бутылке сам не открутит, услышал от него рывканье: «Проваливай!» — вот и вспылil, гордо развернувшись на каблуках. Но ведь нельзя же доходить до такого безумия!

Чи Е уже сомневался в его «профессии». С такой-то спесью и гордыней — и заниматься этим? Впрочем, сейчас было не до загадок. Когда утром Чай Дая ляпнул, что в морг привезли неопознанный труп, а кто-то добавил, будто видел его возле похоронного бюро, у Чи Е чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

Мать вашу! Нельзя же так пугать люд на пустом месте!

Узнав, что после их ссоры тот ушел один вдоль реки, Чи Е, едва проводив Чэнь Сянъяна до дома, схватил зонт и бросился на поиски. Душа была не на месте. Не дай бог из-за его брошенной сгоряча фразы случится непоправимое. Парень-то совсем молодой, даже если наделал глупостей, всё еще можно исправить. Главное — чтобы живой был.

Он уже почти отчаялся. Думал, в такой ливень любой нормальный человек где-нибудь да укроется. Бредя без особой надежды вдоль обрыва, он вдруг уловил едва слышный, прерывистый крик.

Когда Чи Е второй раз подхватил его на руки, ощущение было точно таким же, как и в первый. Совсем невесомый, словно пушинка одуванчика, которую унесет первый же порыв ветра.

Дома его обмыли теплой водой, Сянъян помог переодеть в сухое, подоспевший врач сделал укол. Изнуренное лихорадкой изящное личико пылало румянцем, длинные ресницы дрожали, а на искусанных губах запеклась капелька крови.

Провозились до самых сумерек, пока жар наконец не сбился.

Длинный столбик пепла упал на пол. Чи Е устало откинулся на спинку стула. Больше всего он боялся повторного приступа — врач предупредил, что ночью за больным нужен глаз да глаз. Что ж, придется на эти дни поставить раскладушку и ночевать с ним в одной комнате.

— Брат! — из двери высунулся Чэнь Сянъян. — Он очнулся!

Загасив окурок в пепельнице, Чи Е поднялся и широким шагом направился в спальню. В углу тонко пахло зацветшим жасмином. Тун Хуайцин сидел, прислонившись к изголовью, и как раз поднял на него взгляд.

Глаза его были чистыми, а на бледных ланитах после спавшей лихорадки играл едва заметный румянец.

— Чи Е, — позвал Хуайцин. Голос его прозвучал свежо и прозрачно, точно хрустальный перезвон или прохладный листок мяты.

И неожиданно улыбнулся:

— Спасибо тебе.

Улыбка угасла так же быстро, как и появилась, растаяв без следа.

Чи Е замер.

Грамоте он учился кое-как и едва ли мог похвастаться глубокими познаниями, но в памяти неожиданно всплыла фраза, которую когда-то давно твердил школьный учитель: «Пленительная, дышащая жизнью красота».

<http://bllate.org/book/19966/1985794>